

Памятник хантыйской письменности «Священная история» (Тобольск, 1900): именная морфология¹

1. Введение

Статья посвящена особенностям именной морфологии в памятнике хантыйской письменности «Священная история»² («Емынь ястопса»). Мы рассмотрим инвентарь показателей грамматических категорий существительного и ряд особенностей их употребления, о которых можно делать уверенные заключения на материале памятника. Кроме того, будет проанализирована парадигма личных местоимений. Материал памятника будет сопоставлен со сведениями, доступными из описаний западных хантыйских диалектов (принадлежность памятника к западной группе диалектов не вызывает сомнений, см. описываемые далее его свойства). Свойства других разрядов местоимений, а также прилагательных, числительных и послелогов в данной работе подробно не рассматриваются³. Также остаются за рамками этой статьи вопросы словообразования.

В работах предшественников морфологическая система памятника «Священная история», насколько нам известно, не рассматривалась. Некоторые сведения о графической системе приводятся в [Moldanova, Normanskaia 2018].

Рассматриваемый памятник был издан Тобольским комитетом православного миссионерского общества в 1900 г. Его текст представляет собой свободный пересказ содержания Ветхого и Нового Завета для носителей хантыйского языка. В качестве авторов на титульном листе указаны священник Иоанн Егоров и дьячок Иоанн Попов, служившие в хантыйских землях. Краткая информация об Иоанне Егорове доступна в [Софронов 2005; Исаева 2015]. Он был одним из участников Обдорской миссии, которым было поручено переводить на языки северных народов богослужебные тексты, и составителем ряда религиозных и учебных изданий на хантыйском языке. Подробных биографических сведений об Иоанне Попове обнаружить, к сожалению, не удалось⁴. В предшествующей литературе (см., например, [Штейниц 1937: 198; Хонти 1993: 302; Кошкарева 2013: 52—53]) этап развития хантыйской письменности, к которому относится рассматриваемый памятник, определен как миссионерский: приезжие русскоязычные миссионеры переводили на хантыйский язык тексты, связанные с христианством, с целью его распространения среди хантыйского народа. Мы не можем достоверно судить об уровне владения хантыйским языком авторов памятника (хотя, учитывая стоявшие перед ними задачи, он должен был быть как минимум таким, чтобы носители хантыйского языка могли без искажений понимать смысл созданных ими текстов), равно как и не имеем информации о том, выверялся ли текст с носителями хантыйского

¹ Статья подготовлена в рамках работы по проекту «Языковое и этнокультурное разнообразие Южной Сибири в синхронии и диахронии: взаимодействие языков и культур» (грант Правительства России № 14.Y26.31.0014).

² Как справедливо заметил анонимный рецензент «Урало-алтайских исследований», название памятника было бы точнее перевести на русский как «Священное сказание». Мы, однако, используем вариант «Священная история», поскольку он написан на титульном листе памятника и использование другого русского варианта названия могло бы затруднить соотнесение этого памятника и публикаций о нем.

³ Для послелогов, производных от существительных, в целом справедливы утверждения, которые будут сделаны о морфологии существительных, — с той лишь разницей, что различные послелоги подвергаются разной степени грамматикализации и сохраняют неодинаковый объем морфосинтаксических свойств прототипического существительного. В целом и в современном хантыйском языке, и в тексте памятника эта ситуация выглядит так же, как она уже представлена в исследованиях уральских языков (см., например, [Майтинская 1982: 9—78]). В то же время сравнительно малый объем корпуса памятника часто не позволяет делать уверенные суждения о свойствах конкретного послелога, поэтому мы хотели бы воздержаться от детального анализа этой проблематики.

⁴ В [Тобольские Епархиальные ведомости 1888: 247—253] содержится подробный рассказ о жизни протоиерея Петра Александровича Попова, проводившего миссионерскую деятельность среди северных ханты. Были ли Петр и Иоанн Поповы родственниками или просто однофамильцами, к сожалению, неясно. Заметим, однако, что П. А. Попов, как следует из текста «Тобольских Епархиальных Ведомостей», не был носителем хантыйского языка, хотя и изучал его долгое время.

языка. Однако для дальнейшего изложения следует понимать, что в целом для создателей хантыйских письменных памятников дореволюционного периода хантыйский язык мог быть не родным⁵.

Памятник «Священная история» доступен в сканированном виде на сайте электронных коллекций Российской национальной библиотеки⁶. Глоссированный текст памятника размещен в открытом доступе на платформе LingvoDoc⁷. В оригинале памятника хантыйский текст сопровождается пословным подстрочным переводом на русский язык. В корпусе на LingvoDoc морфемная разбивка проведена по строке памятника. Глоссы для каждой словоформы даны на современном русском литературном языке с обозначением грамматических показателей латиницей. Перевод каждого предложения также дан на современном русском литературном языке; он составлен разработчиком корпуса на основе подстрочника, приведенного в оригинале. В отдельном поле для словоформ памятника указаны, где это возможно, их фонетические соответствия в казымском диалекте хантыйского языка в системе транскрипции из [Кошкарева, Соловар 2007]. Казымский диалект выбран для этого поля как диалект хантыйского языка, на основе которого сложилась определенная литературная традиция; кроме того, разные хантыйские корпуса и словари в системе LingvoDoc связаны через казымские формы, что делает возможной их перекрестную обработку.

В памятнике использован дореволюционный кириллический алфавит. Для обозначения фонемы /ŋ/ к нему добавлена буква *н*. Других букв для обозначения хантыйских фонем, отсутствующих в русском языке, не добавлено. Так, в тексте не отмечаются долгота и краткость гласных, ср. одинаковую первую букву в словах *анть* ‘не’ [с. 23, строка 7] (каз. *ǎnt*) и *азу* ‘отец’ [с. 4, строка 7] (каз. *aśi*). Для обозначения гласных фонем заднего ряда используются только буквы *о* и *у*, отражающие не все возможные качественные различия (см. [Николаева 1995: 21—26; Кошкарева, Соловар 2007] и др.), ср. *Торымь* ‘небо, бог’ [с. 4, строка 8] (каз. *tōrǎm*), *ходы* ‘как’ [с. 4, строка 13] (каз. *χōī*), *о́лынъ* ‘начало’ [с. 7, строка 8] (каз. *ǎlǎj*). В примерах систематически отражается озвончение шумных согласных в окружении гласных и сонорных, не имеющее в хантыйском языке фонологического статуса, см., например, *о́лды* ‘быть, жить’ [с. 23, строка 2] (каз. *wōlǎj*), *сиды* ‘так’ [с. 4, строка 4] (каз. *śitǎ*). Как можно понять уже из некоторых приведенных примеров, в памятнике систематически отмечается словесное ударение (в некоторых словах, однако, знак ударения опущен).

Хантыйские примеры из памятника приводятся с сохранением записи источника в глоссированном виде. Литературные переводы взяты из корпуса на LingvoDoc. При каждом примере дается указание на соответствующую страницу и строку в тексте памятника.

Во всех утверждениях о морфологической системе памятника мы опираемся на примеры, встретившиеся в нем не менее трех раз (при этом в тексте статьи может цитироваться меньше примеров, иллюстрирующих конкретное явление, особенно если оно известно из описаний хантыйского языка и не вызывает сложностей). В качестве источника каждого примера указывается только одна из пар вида «страница & строка», где он встретился в тексте (отдельные цитируемые словоформы при этом, разумеется, могут встречаться в памятнике много раз). Случаи привлечения менее частотных примеров оговариваются эксплицитно.

Работа имеет следующую структуру. В разделе 2 рассматривается склонение существительных — употребление числовых показателей, падежных показателей, устройство и особенности парадигмы посессивного склонения. Раздел 3 посвящен склонению личных местоимений. В разделе 4 подводятся итоги.

2. Имя существительное

Хантыйское существительное имеет грамматические категории числа, падежа и посессивности. Показатели всех этих категорий представлены в тексте памятника. Далее рассмотрим их подробно по отдельности.

2.1. Показатели числа

Существительные в памятнике встречаются в первую очередь в формах единственного и множественного числа. Единственное число не имеет специального показателя. Показатель множественного числа в основном склонении имеет вид «гласный + *т*», в конце слова в соответствии с дореволюционной

⁵ Отметим также комментарий анонимного рецензента о том, что в тексте имеются буквальные переводы с русского языка на хантыйский. Более детальное рассмотрение гипотез о возможном калькировании конструкций выходит за рамки этой статьи.

⁶ Адрес сайта — <http://primo.nlr.ru/>. Поисковый запрос — «Емынг ястопса».

⁷ <http://lingvodoc.ispras.ru/dictionary/902/9/perspective/902/12/view>

русской орфографией добавляется *ъ* (о числовых показателях в посессивном склонении см. раздел 2.3). Гласный отражает, по-видимому, фонему /ə/, ср. запись этого показателя как *-ət* в [Николаева 1995: 81; Кошкарёва 2011: 171]. В тексте памятника этот показатель встречается в вариантах *-ат(ь)*, *-ят(ь)*, *-эт(ь)*, *-от(ь)*, см., например, *хот-эт-на* (дом-PL-LOC) ‘в домах’ [с. 124, строка 10], *сох-от-на* ‘тканями’ (ткань-PL-LOC) [с. 57, строка 12]. Имеется вариант *-тъ* без начального гласного, присоединяющийся к основам на гласный (это соответствует современным описаниям, см., например, [Николаева 1995: 39—43]): *астарши́на-тъ* (старшина-PL) ‘старейшины’ [с. 116, строка 13], *э́ве-тъ* (девушка-PL) ‘девушки’ [с. 57, строка 12].

Форма двойственного числа существительных встретилась в памятнике всего в одном примере: *та́л-нэ́нь* (зима-DU) ‘две зимы’ [с. 58, строка 10], показатель двойственного числа в этом примере соответствует его стандартному виду *-нэп* (ср., например, [Николаева 1995: 81]). При этом количественные конструкции с числительным *ка́т* ‘два’ в памятнике довольно частотны: не считая составных числительных типа *катъ сэ́разь* ‘две тысячи’ [с. 22, строка 13], таких конструкций встретилось 27, см., например:

- (1) *Си катъ хорáз-ынъ юхъ рэг-атъ тай-л-атъ.*
 тот два красота-ATTR дерево плод-PL иметь-NPST-3PL
 ‘У этих двух красивых деревьев есть плоды’ [с. 14, строка 12]
- (2) *Си катъ верь кинзя аръ сир-на Еврей родъ хоз-я Тóрымъ ондас-та-сь...*
 тот два дело кроме много способ-LOC еврей народ у-ILL бог помощь-CAUS-PST
 ‘Кроме этих двух дел, Бог многими способами помогал еврейскому народу...’ [с. 37, строки 11—12]
- (3) *А́кт-ас-эмъ муръ пел-я Пророкъ Илья яста-сь:*
 собирать-DETR-PFV.PTCP народ к-ILL пророк Илья говорить-PST
 «Хóлна хуу катъ кúр-на нóх-ты нит-л-аты?»
 еще долго два нога-LOC хромать-IPFV.PTCP/INF стать-NPST-2PL
 ‘Пророк Илья сказал собравшемуся народу: «Еще долго на обе ноги хромать будете?»’ [с. 51, строки 13—14; с. 52, строка 1]

На современном этапе в западных диалектах хантыйского языка двойственное число нельзя считать вышедшим из употребления, см. подробный анализ его использования в [Сидорова 2016], а также цитируемую в этой работе литературу⁸. В примерах (1)—(3) представлены типы контекстов, которые, согласно анализу М. А. Сидоровой, могли бы способствовать употреблению формы двойственного числа: в (1)—(2) это именные группы с указательным местоимением *си* ‘тот’, которые обладают информационным статусом данного, в (3) это конструкция с наименованием части тела (совместимая, однако, и с другими стратегиями маркирования). Наиболее вероятным может быть предположение о том, что формы двойственного числа не были активно употребляемыми в идиолектах авторов памятника (возможно, в силу того что хантыйский язык мог быть для них не родным). Утверждение об отсутствии в конце XIX в. двойственного числа в говорах тех мест, где был создан памятник, было бы труднообъяснимым с учетом современных данных.

2.2. Показатели падежа

2.2.1. Общее устройство системы

Падежные показатели существительных, встретившиеся в тексте памятника, представлены в таблице 1. Наличие нулевого показателя у номинатива (в корпусе на сайте LingvoDoc и в данной статье он не обозначается) полностью ожидаемо.

Соотношение показателей иллатива и локатива выглядит не вполне тривиально в свете сопоставления с современными языковыми данными. Распределение соответствующих показателей в западных диалектах хантыйского языка приведено в таблице 2 (для единообразия все показатели записаны латиницей).

Как видно из таблицы 2, инвентарь базовых падежных показателей существительного в «Священной истории» совпадает только с шеркальским и низямским диалектами (согласно описаниям В. Штейница и Л. Хонти). По отдельности и показатель *-а*, и показатель *-на* встречаются в различных западных диалектах,

⁸ Некоторая тенденция заменять формы двойственного числа на формы единственного или множественного числа отмечена, в частности, в [Honti 1997: 16; Ядобчева-Дресвянина 2004: 36]. Однако о тотальной утрате двойственного числа речи в этих работах не идет.

Таблица 1. Показатели падежа существительных

Название падежа	Обозначение в глоссах	Показатели
Номинатив	—	—
Иллатив ⁹	ILL	-a (-я) ¹⁰
Локатив ¹¹	LOC	-на ¹²

Таблица 2. Падежные показатели существительных в «Священной истории» и в западных диалектах хантыйского языка

Диалект и издание	Приуральский [Николаева 1995: 82; Соловар и др. 2016: 106]	Приуральский [Ядобчева-Дресвянина 2004: 43]	Шурышкарский [Кошкарева 2011: 168; Соловар и др. 2016: 104]	Шурышкарский (с. Мужжи) [Rédei 1965: 34]	Шурышкарский (сынский) [Steinitz 1975: 39]	Казымский [Каксин 2007: 59]	Казымский [Соловар и др. 2016: 105]	Шеркальский [Steinitz 1975: 214; Honti 1986: 60, 134]	Низямский [Honti 1986: 60, 133]
Соответствие ILL	-ji	-i, -i'	-a, -i	-a	-a	-a	-a	-a	-a
Соответствие LOC	-na	-na	-ən	-ŋ	-ŋ, -ən	-n, -ən, -an	-ən	-na	-na

но, как правило, не сосуществуют в одной системе в современном языке. Вместе с тем относить исследуемый памятник к шеркальскому или низямскому диалекту было бы странно, поскольку текст памятника имеет ряд морфологических отличий от этих диалектов (они будут оговорены далее), а также явные фонетические отличия. Так, фонемы, соответствующие казымским /л/ и /л'/, передаются в памятнике буквой л (в т. ч. в сочетании с ъ или с ь), тогда как в примерах из шеркальского диалекта, приводимых в [Steinitz 1975: 192], им соответствуют *t* и *t'*, ср., например, шерк. *tətə* 'зима' — каз. *täl* — в памятнике *mal* [с. 59, строка 4]; шерк. *t'ät'* 'война' — каз. *lal'* — в памятнике *ljal'* [с. 45, строки 7—8]; шерк. *tšw* 'лошадь' — каз. *lšw* — в памятнике *lou* [с. 117, строка 10]. Аналогичные фонетические различия имеются и с низямским диалектом, см. полевые данные по нему, приведенные в [Онина, Козлов 2013а, б].

Более вероятное объяснение состоит в том, что в «Священной истории» сохраняются прахантыйские падежные маркеры. Согласно [Honti 1986: 60], выявленные нами показатели иллатива и локатива реконструируются соответственно как **a/*ä* и **na/*nä* (эта реконструкция подтверждается в том числе данными восточнохантыйских диалектов, приводимыми в цитируемой работе). В шеркальском и низямском диалектах архаичные показатели тоже оказались сохранены, тогда как в других западных диалектах они претерпели различные изменения, результаты которых мы и наблюдаем на современном этапе.

Далее рассмотрим употребление каждого падежа по отдельности.

⁹ Данный падеж по-разному обозначается в различных источниках, в т. ч. с учетом его формальных и семантических особенностей в разных диалектах, ср. датив/иллатив [Каксин 2007: 59], дательно-направительный [Кошкарева 2011: 168], аллатив [Мымрина 2006: 149], транслатив [Николаева 1995: 82; Ядобчева-Дресвянина 2004: 43; Мымрина 2006: 149], транслокатив [Кошкарева 2011: 168]. В корпусе на LingvoDoc в настоящее время используется глосса DAT (датив), которая была выбрана перед началом разметки для указания на наиболее высокую в синтаксической иерархии позицию непрямого объекта, которую могут занимать соответствующие формы. В этой статье выбрана глосса ILL (иллатив), исходя из семантики этих падежных форм в тексте памятника, которая стала полностью ясна только по окончании разметки (подробнее см. раздел 2.2.3).

¹⁰ В памятнике встречается также показатель иллатива *-ы* в составе послелога *унды* 'до'. С существительными он встретился всего в двух случаях: *хатл-ы* (день-ILL) [с. 11, строка 14], *атт-ы* (ночь-ILL) [с. 93, строка 9].

¹¹ Данный падеж обозначается в литературе как локатив [Николаева 1995: 82; Ядобчева-Дресвянина 2004: 43; Мымрина 2006: 149; Кошкарева 2011: 168], инессив/инструктив [Каксин 2007: 59], местно-творительный [Кошкарева 2011: 168].

¹² В памятнике встречается также показатель локатива *-(и)нь* — в основном с послелогами, см. *юби-инь* (после-LOC) 'после' [с. 15, строка 9], *эльби-инь* (перед-LOC) 'перед' [с. 146, строка 5], но в редких случаях и с существительными, см. *тага-инь* (место-LOC) 'на месте' [с. 43, строка 12], *сир-нь* (способ-LOC) 'способом' [с. 6, строка 2]. Однако основным показателем локатива и с существительными, и с послелогами выступает показатель *-на*.

2.2.2. Номинатив

Номинатив используется в позициях субъекта, прямого объекта, приименного аргумента, именного предиката, а также при послелогох, см. формы, выделенные в (4)—(6). Все эти употребления общеизвестны и для современного хантыйского языка.

- (4) *Муу о́мд-ымъ порá юби-на катъ сэразь тáл-лунъ кемь пáр-асъ,*
 земля сажать-PFV.PTCP время после-LOC два тысяча зима-лето примерно кончатся-PST
изá нэнхо родъ Тóрымъ ерэма-съ...
 все человек род бог забывать-PST
 ‘После сотворения мира прошло около двух тысяч лет, весь человеческий род забыл Бога...’
 [с. 22, строка 13; с. 23, строка 1]
- (5) *Óлын-на ханэмы-мъ ём-а юв-ымъ нэ и́ттамъ*
 начало-LOC прятаться-PFV.PTCP хороший-ILL становиться-PFV.PTCP женщина теперь
ханя́ма-ды антъ вёрм-асъ, Христось кур-ль хоз-я́ ко́ропты-исъ...
 прятаться-IPFV.PTCP/INF NEG мочь-PST Христос нога-POSS.3SG у-ILL падать-PST
 ‘Поначалу спрятавшаяся выздоровевшая женщина теперь не могла прятаться, пала к ногам Христа...’ [с. 89, строки 9—11]
- (6) *Мэть олынъ хонъ Сауль о-съ, киметь хонъ Давидъ о-съ.*
 самый начало царь Саул быть-PST второй царь Давид быть-PST
 ‘Самым первым царем был Саул, вторым царем был Давид’ [с. 46, строки 2—3]

2.2.3. Иллатив

Центральным значением иллатива в тексте «Священной истории» является значение конечной точки, см. (7)—(8). В (8) тем же маркером, что и существительное со значением ‘вода’, оформлен серийный послелог с основой *либи-* ‘внутренность’.

- (7) *Муу эульть нынъ вёр-манъ о-с-анъ, хал-ды со́рам-на*
 земля из ты делать-CVB быть-PST-2SG умирать-IPFV.PTCP/INF смерть-LOC
му-а ман-л-анъ.
 земля-ILL идти-NPST-2SG
 ‘Из земли ты был сделан, мертвым в землю уйдешь’ [с. 18, строки 9—10]
- (8) *...ай вáрасъ эульть вёр-ымъ ларáсь ли́би-я*
 маленький прут из делать-PFV.PTCP ящик внутренность-ILL
пóн-асъ ёгáнъ ин-а э́сл-асъ.
 класть-PST река вода-ILL пускать-PST
 ‘[Мать] положила [ребенка] в сделанный из прутьев ящик и пустила в воду’ [с. 31, строки 9—11]

Кроме того, иллатив используется в именной предикации для передачи транслативной семантики, маркируя и объект, в который что-л. превращается (или, шире, новое состояние, в которое вступает участник ситуации), см. (9), и объект, которым что-л. является без указания в контексте на изменения, см. (10) с базовым бытийным глаголом и (11) с глаголом *шауды* ‘хранить, сохранять’, в семантике которого заложена идея отсутствия изменений.

- (9) *Си ул-ымъ нóтард-амъ верь сагáтъ Египеть хонъ*
 тот спать-PFV.PTCP говорить-PFV.PTCP дело за Египет царь
Иóсифъ лóнаръ хо-я́ вёр-с-али.
 Иосиф приближенный человек-ILL делать-PST-3SG.SO
 ‘За этот рассказ о сне египетский царь сделал Иосифа приближенным человеком’ [с. 29, строки 11—12]
- (10) *...Ма панть хо-я о-с-эмъ, нынъ Мán-эмъ хóт-а*
 я путь человек-ILL быть-PST-1SG вы я-1SG[DAT/ACC] дом-ILL
антъ лóн-олт-с-аты...
 NEG входить-CAUS-PST-2PL
 ‘...когда Я был странником, вы Меня не пустили в дом...’ [с. 114, строки 2—3]

- (11) *Си Ёмынгъ Иосифъ ёж-а Архьерэ-ятъ Мари́я кáтл-анта-с-эль*
 тот священный Иосиф рука-ILL архиерей-PL Мария держать-CAUS-PST-3PL.S:SG.O
џві-я шáу-ды óрын-на.
 девушка-ILL хранить-IPFV.PTCP/INF для-LOC
 ‘Архиереи отдали Марию этому святому Иосифу, чтобы она осталась девой’ [с. 59, строки 7—9]

Маркирование именного предиката одним и тем же способом в контекстах постоянного свойства и в контекстах изменения свойства встречается в уральских языках, хотя и менее распространено, чем различное маркирование этих типов контекстов (см. [de Groot 2017: 514—516]). В хантыйском языке употребление в именной предикации маркеров *-a/-i*, насколько можно судить по имеющимся описаниям, закреплено в большей степени за контекстами изменения, см. данные казымского диалекта [Соловар 2011: 130—131, 237—238, 316—322], а также описание приуральской системы в [Ядобчева-Дресвянина 2004: 45—46], где утверждается, что данная форма используется с тремя глаголами (приводятся в транскрипции автора цитируемой работы): *нитта/нитты* ‘стать, становиться’, *йида/йиты* ‘стать, становиться’, *нэматта/нэматты* ‘именоваться, называться’. С другой стороны, в [Николаева 1995: 83] для данного падежа отмечаются и контексты «предикативного состояния», предполагающие отсутствие изменений. Материал памятника подкрепляет данные И. А. Николаевой.

Функций, прототипических для датива, формы иллатива в исследуемом памятнике, как было установлено, не выражают (именно поэтому мы отказались в статье от глоссы DAT и от обозначения этого падежа как датива). Семантическая роль адресата (при глаголах речи) передается конструкциями с послелогом *пеля* (основной вариант, известный и из опубликованных работ, см. [Соловар 2011: 208]), (12)—(13), и *хозя* (14), имеющими в своем составе застывший маркер иллатива.

- (12) *Си ю́би-на Ё́ва пѐл-я То́рымъ яста-сь:*
 тот после-LOC Ева к-ILL бог говорить-PST
«Игэ-нъ ё́жъ ли́би-инъ нынгъ о́л-ды нит-л-энь».
 муж-POSS.2SG рука внутренность-LOC ты жить-IPFV.PTCP/INF стать-NPST-2SG.S(SG.O)
 ‘После этого Бог сказал Еве: «Ты будешь жить в руках твоего мужа»’ [с. 18, строки 10—12]
- (13) *Си Иерусалимъ во́ж-на унъ Ё́мынгъ хотъ о-сь, Изá Евре́й родъ*
 тот Иерусалим город-LOC большой священный дом быть-PST весь еврей народ
То́рымъ пѐл-я пѐих-ся-ты о́рын-на.
 бог к-ILL молить-DETR-IPFV.PTCP/INF для-LOC
 ‘В том городе Иерусалиме был большой храм, чтобы весь еврейский народ молился Богу’ [с. 73, строки 2—4]
- (14) *То́рымъ у́л-ым-на ла́у-сь Соломо́нь хоз-я: «Во́г-а ма*
 бог спать-PFV.PTCP-LOC говорить-PST Соломон у-ILL просить-IMP я
эу́лт-энь¹³ мо́ла ны́н-энь ма́-ды».
 от-POSS.2SG что ты-2SG[DAT/ACC] давать-IPFV.PTCP/INF
 ‘Бог во сне сказал Соломону: «Проси у меня, что тебе дать»’ [с. 47, строки 8—9]

Семантическая роль конечного possessора передается либо теми же конструкциями с послелогом *пеля* (15) и *хозя* (16), либо конструкциями с послелогом *эльты*¹⁴ (17). Заметим, что для местоимений в такой функции фиксируется употребление синтетических форм датива-аккузатива, как в (18). Подробнее о парадигме местоимений см. раздел 3.

- (15) *Ва́нд-а, тамъ му́у ны́н-энь на нынгъ родъ пѐл-я ма́-л-эмь¹⁵.*
 смотреть-IMP этот земля ты-2SG[DAT/ACC] ADD ты род к-ILL давать-NPST-1SG.S(SG.O)
 ‘Смотри, эту землю дам тебе и твоему роду’ [с. 28, строки 2—3]

¹³ В этой словоформе не исключена описка: *эу́лт-энь* (от-POSS.2SG) вместо ожидаемого *эу́лт-эмь* (от-POSS.1SG).

¹⁴ В западных хантыйских диалектах этот послелог в первую очередь маркирует исходную точку, см. [Кошкарева 2011: 156]. В словаре казымского диалекта [Соловар 2014: 381] ему приписаны значения ‘через, на, до, сверху’; ‘над’. В приуральском диалекте зафиксированы также употребления этого послелoga в контекстах адресата и бенефактива, см. [Николаева 1995: 155—156].

¹⁵ В графической системе рассматриваемого памятника лично-числовая флексия в этой форме и в аналогичных формах может соответствовать как казымскому *-эт* (1SG), так и казымскому *-ет* (1SG.S.SG.O). При глоссировании в статье отражены обе возможности.

- (16) *Хánж-имъ нáрд-опсы, Моисей ёж-на, Тóрымъ мi-им-атъ Еврей родъ хоз-я.*
 писать-PFV.PTCP велеть-NMN Моисей рука-LOC бог давать-PFV.PTCP-предмет еврей род у-ILL
 ‘Написанный закон, руками Моисея данный Богом еврейскому народу’ [с. 38, строки 2—3]
- (17) *Кiметъ рэгъ iге-ль iльты ма-сь, луу на лe-с-ли.*
 второй плод мужчина-POSS.3SG из давать-PST он ADD есть-PST-3SG.S.SG.O
 ‘Второй плод дала мужу, он тоже съел’ [с. 16, строки 8—9]
- (18) *...си сагáть изá мá-л-эмъ нýн-энь...*
 тот за всё давать-NPST-1SG.S(SG.O) ты-2SG[DAT/ACC]
 ‘...поэтому я дам тебе всё...’ [с. 48, строка 1]

Закрепление за падежом на *-а* иллативной функции и функции именного предиката при отсутствии типичных дативных функций не соответствует описаниям падежной семантики в современных западных диалектах. Так, в шурышкарском и казымском диалектах этот падеж имеет функции датива, иллатива и маркера в именной предикации [Rédei 1965: 38—39; Каксин 2007: 60]. В приуральском диалекте транслатив маркирует именной предикат, но не имеет ни иллативных, ни дативных функций [Николаева 1995: 83].

2.2.4. Локатив

Локатив кодирует семантику местонахождения в пространстве (19), а также различные метафорические локализации (20), в т. ч. временную (21).

- (19) *Изá мýу-на ол-ымъ нэнхо родъ андаке вой родъ iн-на хал-с-атъ.*
 весь земля-LOC жить-PFV.PTCP человек род или зверь род вода-LOC умирать-PST-3PL
 ‘По всей земле люди и звери погибли в воде’ [с. 24, строки 6—7]
- (20) *...изá нэнхо родъ Тóрымъ ерема-сь изá атмась грiх-на ол-ды нiд-эсь.*
 весь человек род бог забывать-PST все плохо грех-LOC жить-IPFV.PTCP/INF статья-PST
 ‘...весь человеческий род забыл Бога, все неправильно, в грехе жить стали’ [с. 23, строки 1—2]
- (21) *Си порá-на и веськáть хо Авраáмъ нэнхо родъ эульть Тóрымъ бýри-исъ...*
 тот время-LOC один праведный мужчина Авраам человек род из бог выбирать-PST
 ‘В это время Бог выбрал из рода человеческого одного праведника по имени Авраам...’ [с. 27, строки 6—7]

Помимо этого, локатив кодирует семантическую роль конечной точки:

- (22) *Ной луу хотъ тэль-на корабля либи эульть мýу-на эд-эсь*
 Ной он дом полный-LOC корабль внутренность из земля-LOC выходить-PST
на мóхты Тóрымъ пел-я пóих-ся-ты нiд-эсь.
 ADD сразу бог к-ILL молить-DETR-IPFV.PTCP/INF статья-PST
 ‘Ной со своим семейством вышел из корабля на землю и сразу стал молиться Богу’ [с. 24, строки 9—11]
- (23) *Си Енохъ веськáть ул-опса сагáть луу эл-ль тэль-на*
 тот Енох праведный жить-NMN за он тело-POSS.3SG с-LOC
хал-ды сóрам-ли торм-уу-на Тóрым-на вiи-мань о-сь.
 умирать-IPFV.PTCP/INF смерть-CAR небо-POSS.1PL-LOC бог-LOC брать-CVB быть-PST
 ‘Этому Еноху за его праведную жизнь Бог даровал бессмертие и вместе с его телом взял на небо’ [с. 21, строка 13; с. 22, строки 1—2]

Закрепление за локативом и контекстов местонахождения, и контекстов конечной точки ранее было описано для приуральского диалекта, см. [Николаева 1995: 82; Ядобчева-Дресвянина 2004: 44]. В [Мырина 2006: 94—95; Кошкарева 2011: 168; Соловар и др. 2016: 105—106] эта модель полифункциональности трактуется как отличительная черта приуральского диалекта. В типологических работах такая модель тоже упоминается, см., например, [Creissels 2008: 615]. В связи с тем, что в тексте «Священной истории» семантика конечной точки выражается как иллативом, так и локативом, возникает вопрос о конкуренции этих форм, однако в силу ограниченности материала памятника мы воздержимся здесь от определенных выводов.

Помимо участников пространственных фреймов, локатив кодирует агенса в пассивной конструкции (24), инструмент и средство (25), а также некоторые другие значения, семантически близкие к инструментально-му, ср. обстоятельство образа действия/способа в (26) и близкий контекст наименования языка в (27). Все эти употребления локатива ожидаемы, исходя из предшествующих описаний хантыйского языка.

- (24) *Си катъ веръ кинзя аръ сир-на Еврей родъ хоз-я Тóрымъ ондас-та-съ,*
 тот два дело кроме много способ-LOC еврей род у-ILL бог помощь-CAUS-PST
си порá унд-ы хунъ Тóрымъ ал-емъ мýу хоз-я
 тот время до-ILL когда бог обещать-PFV.PTCP земля у-ILL
Еврей родъ Моисей-на э́гт-опта-с-а.
 еврей род Моисей-LOC приходить-CAUS-PST-PASS
 ‘Кроме этих двух дел, Бог многими способами помогал еврейскому народу, до тех пор, пока Моисей не довел еврейский народ до обещанной Богом земли’ [с. 37, строки 11—14]
- (25) *...латль хотъ тэль луу тасъ ои-л-аль эульть чистамъ*
 каждый дом полный он богатство овца-PL-POSS.3SG/3PL из чистый
ошъ пóжахъ атъ вы-лъ, кэ́жи-на атъ вёл-лъ,
 овца детеныш пусть братъ-NPST нож-LOC пусть убивать-NPST
лу-эль вуръ атъ агат-ль, си вур-на хотъ оу атъ нэ́жит-ль...
 он-3SG[DAT/ACC] кровь пусть собирать-NPST тот кровь-LOC дом дверь пусть мазать-NPST
 ‘...каждая семья пусть возьмет чистого ягненка из своего стада овец, пусть заколет ножом, соберет его кровь, этой кровью пусть помажет дверь дома...’ [с. 34, строки 2—5]
- (26) *...топъ Иосифъ Тóрымъ ондас-на си ванд-амъ ул-ымъ мола*
 только Иосиф бог помощь-LOC тот видеть-PFV.PTCP спать-PFV.PTCP что
оль хонъ пел-я нотард-асъ.
 быть-NPST царь к-ILL говорить-PST
 ‘...только Иосиф с Божией помощью рассказал царю, что это за сон’ [с. 29, строки 9—10]
- (27) *...нэнхо-ятъ хólnа хуу и я́зыг-на нотар-с-атъ, и рот-на¹⁶ о-с-атъ.*
 человек-PL еще долго один язык-LOC говорить-PST-3PL один род-LOC быть-PST-3PL
 ‘...люди еще долго говорили на одном языке, были одним родом’ [с. 25, строки 4—5]

В исследуемом памятнике встретились два примера (28)—(29), в которых форма локатива кодирует комитативного участника (*лоуна* ‘с лошадью’ в (28) и *нумысна* ‘с мыслью’ в (29)). Такие употребления ожидаемы типологически (см., например, [Архипов 2009: 252—253]), однако в описаниях западных хантыйских диалектов они либо не упоминаются [Николаева 1995: 82—83; Ядобчева-Дресвянина 2004: 44—45; Кошкарева 2005: 81—87; Каксин 2007: 60], либо приводятся только для узкого круга периферийных контекстов комитативной зоны [Khomchenkova 2018]. Ввиду малого объема данных мы не можем делать уверенных выводов о свойствах этой конструкции в памятнике.

- (28) *Хунъ Илья Елиси́й Проро́къ пиль-на яга сож-асъ туд-ынъ о́голь*
 когда Илья Елисей пророк с-LOC вместе идти-PST огонь-ATTR нарта
туд-ынъ лоу-на нумыльта о́хл-асъ...
 огонь-ATTR лошадь-LOC сверху спускаться-PST
 ‘Когда Илья шел вместе с пророком Елисеем, сверху спустилась огненная колесница с огненными конями...’ [с. 53, строки 9—10]
- (29) *Ид-атъ Ангел-атъ Тóрымъ пиль-на емъ нумыс-на хасъ-с-атъ...*
 один-PL ангел-PL бог с-LOC хороший мысль-LOC оставаться-PST-3PL
 ‘Одни ангелы остались с Богом с добрыми мыслями...’ [с. 8, строки 2—3]

Более типично комитативное значение выражается послелогом *пильна* (28) и в некоторых примерах послелогом *тэльна* (30).

- (30) *Лу-эль о́см-эль тэль-на со́ж-ели-манъ вант-с-атъ...*
 он-3SG[DAT/ACC] постель-POSS.3SG с-LOC ходить-IPFV-CVB видеть-PST-3PL
 ‘Его видели ходящим с постелью...’ [с. 76, строки 12—13]

¹⁶ Во втором вхождении в этом предложении форма локатива кодирует именной предикат. Однако в целом для рассматриваемого памятника такое ее использование нетипично.

В [Кошкарева 2011: 101—102, 129] отмечен послелог *тидна* для приуральского диалекта и *тидэн* для шурышкарского диалекта, а также варианты *тэдна* и *тэдэн* с аналогичным распределением по диалектам. Для казымского диалекта в [Соловар 2014: 317] приведен послелог *тедэн* ‘с’, в то время как второму из обсуждаемых здесь послелогов соответствует вариант *тида* [там же: 246], образованный от той же основы при помощи показателя датива/иллатива. Вариант *тида* рассматривается как основной для казымского диалекта и в [Khomchenkova 2018], тогда как вариант *тидэн*, как указано в упомянутой работе, в казымском диалекте неграмматичен. Таким образом, в этом случае в памятнике используются формы, свойственные, по данным современных описаний, приуральскому диалекту.

2.3. Показатели посессивности

Инвентарь посессивных аффиксов приведен в таблице 3. Для форм, встретившихся в памятнике один или два раза, аффикс указывается в скобках и приводятся все примеры. Обозначение «n/a» указывает на то, что соответствующих форм в памятнике не встретилось.

Таблица 3. Показатели посессивности в тексте памятника

Обладатель		Обладаемое		
Число	Лицо	Единственное число	Двойственное число	Множественное число
Ед.	1	-эм(ь), -ем(ь), -м(ь) э́лл-эмь тело-POSS.1SG ‘мое тело’ [с. 11, строка 9] э́вемь ¹⁷ дочь-POSS.1SG ‘моя дочь’ [с. 96, строка 12]	n/a	-л-амь я́зын-л-амь слово-PL-POSS.1SG ‘мои слова’ [с. 85, строка 5]
	2	-эн(ь), -ен(ь), -н(ь) ро́д-энь род-POSS.2SG ‘твой род’ [с. 27, строка 10] а́зе-нь отец-POSS.2SG ‘твой отец’ [с. 40, строка 2]	n/a	(-л-ань) ве́р-л-ань дело-PL-POSS.2SG ‘твои дела’ [с. 39, строка 13] я́х-л-ань люди-PL-POSS.2SG ‘твои люди’ [с. 128, строка 1]
	3	-ль, -л(ь), -ал(ь), -аль, -эль, -эл(ь), -ель, -иль, -оль, -ол(ь), -ул ¹⁸ ро́д-ль род-POSS.3SG ‘его род’ [с. 32, строка 3] лонл-ал-на вершина-POSS.3SG-LOC ‘на его вершине’ [с. 24, строка 9] рабо́та-эль работа-POSS.3SG ‘его работа’ [с. 35, строка 10]	n/a	-л-ал(ь) но́х-л-аль сын-PL-POSS.3SG/3PL ¹⁹ ‘его сыновья’ [с. 29, строка 2] нэ́бек-л-ал-на книга-PL-POSS.3SG/3PL-LOC ‘в его книгах’ [с. 46, строка 9]

¹⁷ Морфемное членение в посессивных формах существительных с основой на *-е* проводится так же, как в [Николаева 1995: 86—87].

¹⁸ В современных западных диалектах хантыйского языка данный показатель имеет вид *-(ə)l* [Николаева 1995: 86]; *-əl/-el* [Кошкарева 2011: 171] — условия выделения алломорфа *-el* в данном описании неясны из приводимых примеров; *-l/-al* [Каксин 2007: 61]. По нашим собственным полевым наблюдениям, в алломорфе с гласным используется /ə/. Встречающийся в памятнике разброс букв для гласных в этом показателе связан, вероятнее всего, с попытками отразить реализации фонемы /ə/ в различном фонетическом контексте. Колебания в употреблении твердого и мягкого знака после *л* обусловлены, по-видимому, попытками отразить звучание сонорного /l/ либо /l/.

¹⁹ Отгlossированные подобным образом формы парадигмы синкретичны в казымском диалекте, см. [Каксин 2007: 61]. Примеры, цитируемые в таблице 3, разнесены по клеткам в зависимости от своей семантики в конкретных контекстах.

Обладатель		Обладаемое		
Число	Лицо	Единственное число	Двойственное число	Множественное число
Дв.	1	n/a	n/a	n/a
	2	n/a	n/a	n/a
	3	n/a	n/a	n/a
Мн.	1	-еу, -эу, -ев, -у, -уу ондáz-еу-на милость-POSS.1PL-LOC ‘нашей милостью’ [с. 10, строка 11] Áзе-у отец-POSS.1PL ‘наш отец’ [с. 102, строка 7] тóрм-уу небо-POSS.1PL ‘наше небо’ [с. 9, строка 9]	n/a	(-л-у, -л-уу) ²⁰ хóт-л-у-на дом-PL-POSS.1PL-LOC ‘в наших домах’ [с. 46, строка 13] лílь-л-уу душа-PL-POSS.1PL ‘наши души’ [с. 144, строка 13]
	2	(-нъ) эль-нъ тело-POSS.2DU/3DU/2PL ‘ваше тело’ [с. 15, строка 8]	n/a	(-л-анъ) лíl-л-анъ душа-PL-POSS.2DU/3DU/2PL ‘ваши души’ [с. 80, строка 10] грéх-л-анъ грех-PL-POSS.2DU/3DU/2PL ‘ваши грехи’ [с. 123, строка 11]
	3	(-эль) нóмс-эль-на мысль-POSS.3PL-LOC ‘их умом’ [с. 117, строка 7] арат-эль-на множество-POSS.3PL-LOC ‘в их множестве’ [с. 58, строка 2]	n/a	-л-ал(ъ) óх-л-алъ голова-PL-POSS.3SG/3PL ‘их головы’ [с. 99, строка 7] рóт-л-ал-на род-PL-POSS.3SG/3PL-LOC ‘в их родах’ [с. 23, строка 13]

В целом система посессивных аффиксов соответствует описаниям западных хантыйских диалектов, см., например, [Николаева 1995: 86—87; Каксин 2007: 61; Кошкарева 2011: 171]. Заметим, что она не совпадает с системами шеркальского и низямского диалектов, с которыми оказался сходным инвентарь падежных маркеров в памятнике (см. раздел 2.2.1), в силу общего фонетического расхождения. Так, для клеток PL-POSS.3SG/3PL в [Steinitz 1975: 216; Honti 1986: 135] представлен показатель *-tat* (ср. *-л-ал(ъ)* в «Священной истории»), для клетки POSS.3PL — показатель *-et* (ср. *-эль* в «Священной истории»).

Как и в непосессивных формах (см. раздел 2.1), в посессивной парадигме не зафиксировано форм двойственного числа ни для обладателя, ни для обладаемого.

Некоторых комментариев требует маркер *-уу* — POSS.1PL (при единственном числе обладаемого). В [Николаева 1995: 86] такой аффикс (*-иw* в транскрипции автора) отмечен для усть-полуйского говора приуральского диалекта, в то время как в усть-собском говоре приуральского диалекта используется аффикс *-ew*, и он же используется в шурышкарском [Кошкарева 2011: 171], казымском [Каксин 2007: 61], шеркальском [Steinitz 1975: 216] и низямском [Honti 1986: 133—134] диалектах. В то же время в памятнике встречаются и варианты, соответствующие более частотному *-ew*.

В других ситуациях различий в посессивной парадигме между усть-собским и усть-полуйским говорами (см. [Николаева 1995: 86; Ядобчева-Дресвянина 2004: 57—59]) в «Священной истории» представлены формы, совпадающие с усть-собскими: ср., в частности, усть-собские варианты *-et* для POSS.1SG и *-en* для POSS.2SG, которые, как видно из таблицы 3, используются в памятнике, в то время как их усть-полуйские соответствия *-at* и *-an* нам не встретились.

²⁰ Первый из указанных вариантов встретился два раза, второй — один раз. В современных западнохантыйских диалектах этим вариантам соответствуют показатели, транскрибируемые как *-l-iw* в [Николаева 1995: 86], *-l-iw* в [Каксин 2007: 66], *-l-эв* в [Соловар и др. 2016: 114]. Вариативность написания в памятнике, по-видимому, вызвана попытками его авторов отразить позиционные изменения согласного /w/ в сочетании с гласным.

3. Личные местоимения

В описаниях западных диалектов хантыйского языка приводятся несколько моделей образования падежных форм личных местоимений. В казымском диалекте (см. [Koshkareva 2001]) выделяется форма аккузатива с показателем *-ət* либо *-ī*, ср. *н̄əη-ət* или *н̄əη-ī* (ты-ACC) ‘тебя’. Кроме того, выделена форма датива с посессивным показателем без дативного маркера (*н̄əη-en* (ты-2SG) ‘тебе’) либо с посессивным показателем и с дативным маркером (*н̄əη-en-a* (ты-2SG-DAT) ‘тебе’). Выбор между двумя дативными формами определяется, согласно [Koshkareva 2001], информационной структурой высказывания. Такое же описание парадигмы приводится в [Каксин 2007: 65].

Для шеркальского диалекта в [Steinitz 1975: 218] и для низямского диалекта в [Honti 1986: 147] приводятся формы аккузатива с показателем *-ət* (но не с показателем *-ī*), а также формы датива с посессивными показателями (но без дативного маркера).

Для шурышкарского диалекта в [Кошкарёва 2011: 168—169] не приводятся специальных форм аккузатива, формы с посессивным аффиксом (как *н̄əηen*) трактуются как имеющие двойную функцию датива-аккузатива, а формы с посессивным аффиксом и с дативным маркером (как *н̄əηena*) трактуются как дативные.

Для приуральского диалекта в [Николаева 1995: 93—95; Ядобчева-Дресвянина 2004: 61—65] приводятся формы датива-аккузатива (по образцу *н̄əηen*), а также формы локатива, например *н̄əη-en-na* (ты-2SG-LOC) ‘тобой’. Кроме того, для 3 л. мн. ч. приведены формы *л̄iwi-l-al* (он-PL-3SG/3PL) ‘их/им’ и *л̄iwi-l-al-na* (он-PL-3SG/3PL-LOC) ‘ими’, образованные, по-видимому, по аналогии с формами множественного числа в посессивной парадигме существительного (эта точка зрения высказана и в [Rédei 1965: 50]).

В [Steinitz 1975: 42; Rédei 1965: 49] формы, соответствующие приуральской форме *л̄iwilal*, указаны и для шурышкарского диалекта. В [Кошкарёва 2011: 169] они лишь кратко упомянуты со ссылкой на цитируемую нами работу В. Штейница, но не приведены в изложении собственных данных авторов.

Система склонения личных местоимений, представленная в «Священной истории», обобщена в таблице 4. Обозначение «п/а» указывает на отсутствие формы в тексте. Если форма встретилась в памятнике менее трех раз, она заключается в скобки. При глоссировании форм местоимений мы, с одной стороны, показываем их внутреннюю структуру (наличие посессивного показателя), с другой стороны, отмечаем выражаемое падежное значение.

Таблица 4. Парадигма личных местоимений в тексте памятника

Число	Лицо	Падеж	
		Номинатив	Датив / Аккузатив
SG	1	<i>ма</i>	<i>ман-эмь</i> <i>ман-емь</i> я-1SG[DAT/ACC]
	2	<i>нынъ</i> (<i>нэнъ</i>) ²¹	<i>нын-энъ</i> <i>нын-енъ</i> ты-2SG[DAT/ACC]
	3	<i>луу</i>	<i>лу-эль</i> он-3SG[DAT/ACC]
DU	1	п/а	п/а
	2	п/а	п/а
	3	(<i>линъ</i>)	п/а
PL	1	<i>мунъ</i>	<i>мун-эу</i> мы-1PL[DAT/ACC]
	2	<i>нынъ</i>	<i>нын-ил(л)-анъ</i> вы-PL-2DU/PL[DAT/ACC]
	3	<i>лии</i>	<i>луу-л-аль</i> он-PL-3SG/3PL[DAT/ACC] (<i>ли-л-аль</i>) они-PL-3SG/3PL[DAT/ACC]

²¹ Форма *нэнъ* встретилась в памятнике один раз [с. 110, строка 9].

Как видно из таблицы 4, в памятнике представлены только форма номинатива и синкретичная форма датива-аккузатива, что соответствует фрагментам системы приуральского и шурышкарского диалектов. Представлена также форма 3 л. мн. ч. *луй-л-аль*, о которой шла речь выше, и форма 2 л. мн. ч. *нын-ил(л)-ань*, не упомянутая в процитированных описаниях, но образованная по той же морфологической модели. Форм со специальным показателем аккузатива (*-ət* или *-tĩ*), форм с дативным аффиксом (как *пәҗена*) и форм локатива выявлено не было.

Форма 3 л. дв. ч. встретилась в памятнике один раз, см. пример (31), где, однако, эта форма рассогласована со сказуемым, которое оформлено множественным числом. Это укладывается в общую тенденцию неупотребления форм двойственного числа в памятнике, см. также раздел 2.1 о числовом оформлении существительных и раздел 2.3 о посессивной парадигме.

- (31) *Иоакімъ на Анна нұрс-яма-т-эль* *унд-ы о-с-атъ,*
 Иоаким ADD Анна старый-PUNCT-IPFV.PTCP/INF-POSS.3PL до-ILL жить-PST-3PL
нйвремь антъ тэй-с-атъ. Линь аръ ситъ орын-на тыжста-с-атъ...
 ребенок NEG иметь-PST-3PL они.DU много то для-LOC печалиться-PST-3PL
 ‘Иоаким и Анна дожили до старости, и у них не было детей. Они очень печалились из-за этого...’ [с. 56, строки 7—8]

Требуют комментариев также местоимения 2 л. ед. ч. и 2 л. мн. ч. Форма номинатива записывается для них в памятнике одинаково — *нынъ*. Вместе с тем в контекстах ед. ч. и мн. ч. эта форма проявляет разные синтаксические свойства. Так, она демонстрирует разное числовое согласование с вершиной посессивной группы (32), с финитной формой глагола (33) и с именным предикатом (34).

- (32) а. *...нынъ род-энъ эультъ ман-а на муу-на...*
 ты род-POSS.2SG от идти-IMP ADD земля-LOC
 ‘...от твоего рода иди в другую землю...’ [с. 27, строка 10]
- б. *...ма нынъ эль-нъ либи-на сорама ли²²*
 я вы тело-POSS.2DU/3DU/2PL внутренность-LOC смерть CAR
лиль пон-с-эмъ...
 дух класть-PST-1SG.S.(SG.O)
 ‘...я вложил в ваши тела бессмертный дух...’ [с. 15, строки 7—8]
- (33) а. *ходы сагатъ си элемъ нынъ ось-ты нит-с-анъ?*
 как за тот стыд ты знать-IPFV.PTCP/INF стать-PST-2SG
 ‘Почему ты познал этот стыд?’ [с. 17, строки 12—13]
- б. *...нынъ ось-л-аты, нэнхо лиль тәи-ль, эл-ль тәи-ль.*
 вы знать-NPST-2PL человек душа иметь-NPST тело-POSS.3SG иметь-NPST
 ‘...вы знаете, у человека есть душа, есть тело’ [с. 80, строки 4—5]
- (34) а. *ена Нынъ Торымъ Похъ!*
 действительно ты бог сын
 ‘Воистину Ты Сын Божий!’ [с. 96, строка 8]
- б. *О-ян-атъ нынъ, хунъ на хоят-атъ нын-ил-анъ тәгилие*
 блаженство-ATTR-PL вы когда ADD человек-PL вы-PL-2DU/PL[DAT/ACC] напрасно
лйут-ты на вожста-ты нит-л-атъ...
 ругать-IPFV.PTCP/INF ADD гнать-IPFV.PTCP/INF стать-NPST-3PL
 ‘Блаженны вы, когда другие люди вас будут напрасно бранить и гнать...’ [с. 79, строки 12—13]

Объяснить употребление формы *нынъ* в памятнике можно, по-видимому, двумя путями. Во-первых, нельзя исключать совпадения формы 2 л. ед. ч. и формы 2 л. мн. ч. в говоре, которым владели авторы памятника, — см., например, описание подобной ситуации для шурышкарского диалекта (говор с. Мужы) в [Rédei 1965: 49] и для шеркальского диалекта в [Steinitz 1975: 218], где обе формы записаны как *пәҗ* и эксплицитно отмечено их совпадение. В этом случае, однако, не вполне ясно, почему синтаксические контексты этих форм в тексте памятника устойчиво различаются.

²² Данная единица соответствует деривационному аффиксу каритива *-лї*. В тексте памятника она может писаться с существительным как слитно, так и раздельно.

Во-вторых, нельзя исключать и того, что в данных формах имеется одинаковый конечный согласный /ŋ/, но разные гласные, в памятнике обозначенные одной буквой²³. В целом в большинстве описаний формы личных местоимений 2 л. ед. ч. и 2 л. мн. ч. подаются как различные. В шурышкарском и казымском диалектах они выглядят, согласно [Кошкарева 2011: 168—170], как *nǎŋ* (2 л. ед. ч.) и *nīŋ* (2 л. мн. ч.)²⁴ — с некоторыми вариациями в обозначении гласных в разных источниках, но с четким различием согласных /ŋ/ для ед. ч. и /n/ для мн. ч., см. также [Steinitz 1975: 42; Каксин 2007: 65; Соловар и др. 2016: 109—110].

Вторая гипотеза согласуется с материалами по приуральскому диалекту, приведенными в [Николаева 1995: 93—94]: для обеих форм дается конечный согласный /ŋ/, записываются эти формы как *nǎŋ* и *nīŋ*. Для многих хантыйских говоров совпадение конечных согласных в этих формах отмечено и в [DEWOS: 1004]. В то же время в [Ядобчева-Дресвянина 2004: 61; Соловар и др. 2016: 111] для 2 л. дв. ч. и 2 л. мн. ч. дается форма *нын*, отличная от формы 2 л. ед. ч. (что совпадает с описаниями шурышкарского и казымского диалектов). В грамматическом очерке к словарю [Кошкарева 2011: 170] также указывается вариант *nīn* для 2 л. дв. ч. и 2 л. мн. ч., однако в самом словаре данной форме приписано только значение 2 л. дв. ч. [там же: 85]. Эти данные противоречат обсуждаемой здесь возможности — как, впрочем, и данным К. Редей и В. Штейница, на которых основана альтернативная гипотеза.

Некоторая проблема обеих высказанных гипотез состоит в том, чтобы объяснить отражение фонемы /ǎ/ в слове *nǎŋ* ‘ты’ буквой *ы* (либо отражение этой буквой фонемы, обозначенной в [Rédei 1965: 49; Steinitz 1975: 218] как /a/). Других примеров такого соответствия в тексте «Священной истории» нет. В то же время оно может объясняться упрежденным характером краткого /ǎ/, отмеченным, например, в [Куркина 2000: 57; Иванов 2010: 5], а также проявляющимся в том, что /ǎ/ после палатализованных согласных в некоторых случаях отражается в памятнике буквой *e*, ср. *sedá* [с. 28, строка 4] — каз. *šáta* ‘там’; *нель-éŋъ* [с. 140, строка 9] — каз. *nǎl jaŋ* ‘сорок (букв.: четыре десятка)’; *емь* [с. 112, строка 14] — *jǎm* ‘хороший’.

4. Заключение

В статье были рассмотрены особенности именной морфологии памятника хантыйской письменности «Священная история». В работах предшественников материал этого памятника, насколько нам известно, с такой точки зрения не обсуждался. В целом устройство именных категорий в исследуемом тексте носит не вполне последовательный характер. Оно в основном соответствует тем сведениям о западных хантыйских диалектах, которые содержатся в литературе, но в разных точках совпадает с данными по разным диалектам, а иногда демонстрирует специфические особенности либо следы архаичного состояния языковой системы.

В памятнике прослеживаются некоторые черты приуральского диалекта. В первую очередь, это закрепление за локативом (падежом с маркером *-na*) и контекстов локализации, и контекстов конечной точки. Кроме того, это маркер POSS.1PL *-уу*, зафиксированный в изученных нами работах предшественников только в усть-полуйском говоре приуральского диалекта. Архитектура падежной парадигмы личных местоимений тоже соответствует описаниям приуральского диалекта (будучи в то же время совместимой с описаниями шурышкарского диалекта). При этом возможны различные интерпретации того факта, что формы 2 л. ед. ч. и 2 л. мн. ч. в памятнике записываются одинаково (как *нынъ*).

Одновременно с этим в памятнике не представлен специализированный падежный маркер с транслативной семантикой, имеющийся в приуральском диалекте. Соотношение используемых в тексте падежных маркеров (*-a* для иллатива и *-na* для локатива) не соответствует данным современных западнохантыйских диалектов, за исключением шеркальского и низямского, с которыми, однако, в «Священной истории» имеются бросающиеся в глаза отличия и на фонетическом уровне, и в некоторых точках морфологической системы. В этих случаях в памятнике сохраняются прахантыйские показатели (то же, по видимому, имеет место в шеркальском и низямском диалектах).

Среди специфических особенностей памятника можно выделить, во-первых, практически полное отсутствие форм двойственного числа (что сложно объяснить на фоне данных по современному хантыйскому языку, где эта граммема сохранна куда в большей степени, чем если бы она находилась в настолько

²³ Логически возможный вариант с обозначением одной буквой *n* согласных /n/ и /ŋ/ маловероятен, поскольку не соответствует графической системе памятника в целом (и, кроме того, было бы странно основываться на допущении, что фонема /n/, легко передаваемая буквой *n* из стандартного кириллического алфавита, зачем-то стала бы передаваться добавленной в алфавит буквой *n*).

²⁴ Форма *nīn* функционирует и как личное местоимение 2 л. дв. ч.

пассивном употреблении в конце XIX в.), во-вторых, закрепление за падежом с маркером *-a* иллативных и транслативных (но не дативных) функций, не описанное в существующих очерках падежной семантики в западных хантыйских диалектах. В этой связи интересным направлением дальнейшего исследования могло бы быть подробное изучение функций этого маркера в архивных материалах по низямскому и шеркальскому диалектам, учитывая, что с этими диалектами сходен сам набор падежных показателей в памятнике.

Окончательное решение вопроса о диалектной природе «Священной истории» должно основываться на комплексном учете не только рассмотренного нами материала, но и, как минимум, подробного анализа особенностей фонетики, лексики и глагольной морфологии, который заведомо выходит за рамки одной статьи. Свой отпечаток на языковые особенности памятника могла наложить и специфическая социолингвистическая ситуация его написания, к которому, весьма вероятно, привлекались люди, выучившие хантыйский язык не как родной. Этот вопрос нуждается в отдельном историческом исследовании (а данные из текстов такого рода, по-видимому, не должны быть лишены критической оценки). В то же время подобная ситуация любопытна для понимания процессов, которые происходят при создании литературных текстов на языках с зарождающейся письменной традицией.

Сокращения

Общие

каз. — казымский диалект

шерк. — шеркальский диалект

Глоссы

1, 2, 3 — 1, 2, 3 лицо

LOC — локатив

ACC — аккузатив

NEG — отрицание

ADD — аддитивная частица

NMN — номинализация

ATTR — атрибутивизатор

NPST — непрошедшее время

CAR — каритив

O — объект

CAUS — каузатив

PFV.PTCP — перфективное причастие

CVB — конверб

PL — множественное число

DAT — датив

POSS — посессивность

DETR — детранзитивизатор

PST — прошедшее время

DU — дуалис

PUNCT — пунктив

ILL — иллатив

S — субъект

IMP — императив

SG — единственное число

INF — инфинитив

SO — субъектно-объектное спряжение

IPFV.PTCP — имперфективное причастие

Литература

Архипов 2009 — *Архипов А. В.* Типология комитативных конструкций. М., 2009. {*Arkhipov A. V.* Typology of comitative constructions. M., 2009.}

Иванов 2010 — *Иванов В. А.* Фонетика говора с. Теги. Экспедиционный отчет. Рукопись. М., 2010. {*Ivanov V. A.* Phonetics of the Tegi subdialect. Fieldwork report. Manuscript. M., 2010.}

Исаева 2015 — *Исаева В. С.* Просветительская деятельность игумена Иринарха // Электронный журнал «Образование Ямала». 2015, 10 // <http://yamal-obr.ru/articles/prosvetitelskaya-devatelnost-igumena-iri>, 2015. {*Isaeva V. S.* Educational activities of hegumen Irinarkh // Online journal "Education of Yamal". 2015, 10 // <http://yamal-obr.ru/articles/prosvetitelskaya-devatelnost-igumena-iri>, 2015.}

Каксин 2007 — *Каксин А. Д.* Казымский диалект хантыйского языка. Ханты-Мансийск, 2007. {*Kaksin A. D.* The Kazym dialect of Khanty. Khanty-Mansiysk, 2007.}

Кошкарева 2005 — *Кошкарева Н. Б.* Синтаксические средства выражения пространственных отношений (на материале уральских и тунгусо-маньчжурских языков Сибири) // Пути формирования лингвистического ландшафта Сибири / ред. *Широбокова Н. Н.* Новосибирск, 2005. С. 74—119. {*Koshkareva N. B.* The syntactic devices of expressing locative relations (evidence from the Uralic and Tungusic languages of Siberia // Ways of forming the linguistic landscape of Siberia / Ed. *Shirobokova N. N.* Novosibirsk, 2005. P. 74—119.}

Кошкарева 2011 — *Вальгамова С. И., Кошкарева Н. Б., Онина С. В., Шиянова А. А.* Диалектологический словарь хантыйского языка (шурьшкарский и приуральский диалекты) / под общ. ред. *Кошкаревой Н. Б.* Екатеринбург,

бург, 2011. {*Valgamova S. I., Koshkareva N. B., Onina S. V., Shijanov A. A.* Dialectological dictionary of Khanty (Shuryshkary and Obdorsk dialects) / Ed. *Koshkareva N. B.* Ekaterinburg, 2011.}

Кошкарева 2013 — *Кошкарева Н. Б.* Актуальные вопросы совершенствования хантыйской графики и орфографии // Вестник угроведения. 2013, 3 (14). С. 47—78. {*Koshkareva N. B.* Current issues of developing Khanty graphics and orthography // *Bulletin of Ugric Studies.* 2013, 3 (14). P. 47—78.}

Кошкарева, Соловар 2007 — *Кошкарева Н. Б., Соловар В. Н.* Увты муй ўвты. Курс практической фонетики хантыйского языка (казымский диалект). Новосибирск, 2007. {*Koshkareva N. B., Solovarov V. N.* Увты муй ўвты. Course of Khanty practical phonetics (Kazym dialect). Novosibirsk, 2007.}

Куркина 2000 — *Куркина Г. Г.* Вокализм хантыйского языка (экспериментальное исследование). Новосибирск, 2000. {*Kurkina G. G.* The vowel system of Khanty (an experiment-based study). Novosibirsk, 2000.}

Майтинская 1982 — *Майтинская К. Е.* Служебные слова в финно-угорских языках. М., 1982. {*Maytinskaya K. E.* Function words in the Finno-Ugric languages. M., 1982.}

Мымрина 2006 — *Мымрина Д. Ф.* Категория падежа в диалектах хантыйского языка (сопоставительный аспект). Дисс. ... канд. филол. наук. Томск, 2006. {*Mymrina D. F.* The category of case in Khanty dialects (a comparative study). Candidate of Philology thesis. Tomsk, 2006.}

Николаева 1995 — *Николаева И. А.* Обдорский диалект хантыйского языка. М. — Гамбург, 1995. {*Nikolaeva I. A.* The Obdorsk dialect of Khanty. M. — Hamburg, 1995.}

Онина, Козлов 2013а — *Онина С. В., Козлов А. А.* Словарь низямского диалекта хантыйского языка. I. А—S // Урало-алтайские исследования. 2013, 3. С. 104—126. {*Onina S. V., Kozlov A. A.* Dictionary of Nizyam Khanty. I. A—S // *Ural-Altai Studies.* 2013, 3. P. 104—126.}

Онина, Козлов 2013б — *Онина С. В., Козлов А. А.* Словарь низямского диалекта хантыйского языка. II. Т—Х // Урало-алтайские исследования. 2013, 4. С. 76—96. {*Onina S. V., Kozlov A. A.* Dictionary of Nizyam Khanty. II. T—X // *Ural-Altai Studies.* 2013, 4. P. 76—96.}

Сидорова 2016 — *Сидорова М. А.* Конкуренция формы двойственного числа и конструкции с числительным в хантыйском языке // Типология морфосинтаксических параметров. Материалы международной конференции «Типология морфосинтаксических параметров 2016». Вып. 3 / Ред. *Лютикова Е. А., Циммерлинг А. В., Коношенко М. В.* М., 2016. С. 260—272. {*Sidorova M. A.* Competition between the form of dual number and the numeral construction in Khanty // *Typology of morphosyntactic parameters. Proceedings of the international conference “Typology of morphosyntactic parameters 2016”.* Vol. 3 / Eds. *Lyutikova E. A., Tsimmerling A. V., Konoshenko M. V.* M., 2016. P. 260—272.}

Соловар 2011 — *Соловар В. Н.* Парадигма простого предложения в хантыйском языке (на материале казымского диалекта). Дисс. ... докт. филол. наук. Йошкар-Ола, 2011. {*Solovarov V. N.* Paradigm of the simple sentence in Khanty (Kazym dialect). Doctor of Philology thesis. Yoshkar-Ola, 2011.}

Соловар 2014 — *Соловар В. Н.* Хантыйско-русский словарь (казымский диалект). Ханты-Мансийск, 2014. {*Solovarov V. N.* Khanty-Russian dictionary (Kazym dialect). Khanty-Mansiysk, 2014.}

Соловар и др. 2016 — *Соловар В. Н., Нахрачева Г. Л., Шиянова А. А.* Диалекты хантыйского языка. Ханты-Мансийск, 2016. {*Solovarov V. N., Nakhraчева G. L., Shijanov A. A.* Dialects of Khanty. Khanty-Mansiysk, 2016.}

Софронов 2005 — *Софронов В. Ю.* Миссионерская и духовно-просветительская деятельность Русской Православной церкви в Западной Сибири (конец XVII — начало XX вв.). Часть I. Тобольск, 2005 // <http://textarchive.ru/c-2649974-p8.html>, 2005. {*Sofronov V. Ju.* Missionary and religious-educational activities of the Russian Orthodox Church in the Western Siberia (end of XVII — beginning of XX centuries). Part I. Tobolsk, 2005 // <http://textarchive.ru/c-2649974-p8.html>, 2005.}

Тобольские Епархиальные ведомости 1888 — Тобольские Епархиальные ведомости. 1 и 16 июня 1888 г. № 11—12. {*Bulletin of the Tobolsk Eparchy.* June 1 and 16, 1888. № 11—12.}

Хонти 1993 — *Хонти Л.* Хантыйский язык // Языки мира. Уральские языки. М., 1993. С. 301—319. {*Honti L.* Khanty // *Languages of the world. Uralic languages.* M., 1993. P. 301—319.}

Штейниц 1937 — *Штейниц В.* Хантыйский (остяцкий) язык // Языки и письменность народов Севера. Ч. 1. / Ред. *Прокофьев Г. Н.* М. — Л., 1937. С. 193—227. {*Steinitz W.* Khanty (Ostyak). Languages and writing systems of Northern peoples / Ed. *Prokofiev G. N.* M. — L., 1937. P. 193—227.}

Ядобчева-Дресвянина 2014 — *Ядобчева-Дресвянина В. Я.* Склонение и спряжение в обдорском диалекте хантыйского языка. Дисс. ... канд. филол. наук. СПб., 2004. {*Yadobcheva-Dresvyanina V. Ja.* Declension and conjugation in the Obdorsk dialect of Khanty. Candidate of Philology thesis. SPb, 2004.}

Creissels 2008 — *Creissels D.* Spatial cases // *The Oxford handbook of case* / Eds. *Malchukov A., Spencer A.* Oxford, 2008. P. 609—625.

de Groot 2017 — *de Groot C.* The typology of the essive in the Uralic languages // *Uralic essive and the expression of impermanent state* / Ed. *de Groot C.* Amsterdam — Philadelphia, 2017. P. 497—549.

DEWOS — *Dialektologisches und etymologisches Wörterbuch der ostjakischen Sprache.* 1—13. Lieferung / *Steinitz W., Sauer G.* u.a. Berlin, 1966—1991.

- Honti 1986 — *Honti L.* Chrestomathia Ostiacica. Budapest, 1986.
- Honti 1997 — *Honti L.* Numerusprobleme (Ein Erkundungszug durch den Dschungel der uralischen Numeri) // Fin-nisch-Ugrische Forschungen. 1997. Band 54, Heft 1—2. S. 1—126.
- Khomchenkova 2018 — *Khomchenkova I.* On comitative constructions in Kazym Khanty. Fieldwork report. Manuscript. Moscow, 2018.
- Koshkareva 2001 — *Koshkareva N.* The case systems of nouns and pronouns in Khanty // Variierende Markierung von Nominalgruppen in Sprachen unterschiedlichen Typs / Eds. *Boeder W., Hentschel G.* Oldenburg, 2001. P. 235—254.
- Moldanova, Normanskaia 2018 — *Moldanova I., Normanskaia Y.* The Graphical Features of the first texts in the Khanty language // 5th International Multidisciplinary Scientific Conference on Social Sciences and Arts SGEM 2018. Vol. 5, 3.1. P. 197—204.
- Rédei 1965 — *Rédei K.* Northern Ostyak Chrestomathy. Bloomington, 1965.
- Steinitz 1975 — *Steinitz W.* Ostjakologische Arbeiten. Band I. Ostjakische Volksdichtung und Erzählungen aus zwei Dialekten Texte. Berlin, 1975.

РЕЗЮМЕ

В статье рассматриваются особенности именной морфологии в памятнике хантыйской письменности «Священная история» (Тобольск, 1900). Анализируется инвентарь показателей числа, падежа и посесивности, а также особенности падежной семантики. Обсуждается устройство парадигмы личных местоимений. Материал сопоставляется с опубликованными данными западных хантыйских диалектов.

SUMMARY

The article deals with nominal morphology in a Khanty manuscript “Sacred history” (Tobolsk, 1900). I analyze the inventory of number, case, and possessive markers, as well as some peculiarities in the use of case forms. The paradigm of personal pronouns is also discussed. The material is compared with previously published data on Western Khanty dialects.

Ключевые слова: хантыйский язык, диалекты, письменные памятники, морфология имени

Keywords: Khanty, dialects, ancient manuscripts, nominal morphology

Кашкин Егор Владимирович, Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН (Москва), Томский государственный университет; egorka1988@gmail.com

Egor V. Kashkin, V. V. Vinogradov Russian Language Institute, RAS (Moscow), Tomsk State University; egorka1988@gmail.com